Казалось, что весь мир в этот момент замер.

Поначалу я не знал, что мне сказать, да и Фэнг, если подумать, тоже.

В моей голове крутилось множество вопросов.

Почему Фэнг слушала меня?

Как долго она это делала?

А главное, неужели она… плакала?

Разумеется, это не могло быть из-за моей игры, верно? Или могло?

…

«Ого, неужели ей… понравилось?» – мысленно ахнул я, и осознание этого обрушилось на меня как удар грузовика.

Я растерялся. Мысль о том, что моя игра на гитаре довела Фэнг до слёз, казалась чем-то невероятным. Но после я соединил все точки вместе и проанализировал имеющиеся у меня доказательства, главным из которых был тот факт, что вместо того, чтобы забрать свой телефон, она стояла за дверью… и слушала, как я играю то, что творилось у меня на душе.

Посмотрев на телефон в своей руке, я вспомнил, что собирался его отдать, и протянул Фэнг.

– Ты забыли…

Фэнг заметила устройство, и её янтарные глаза расширились, после чего она молнией выхватила его из моих когтей, осматривая на предмет каких-либо повреждений… или попыток прочитать её сообщения. Но, на удивление, она не стала долго на этом задерживаться и, проскочив мимо меня, широко распахнула дверь, заглянув в класс.

Я не сразу понял, что она пытается сделать. Но потом до меня дошло, она хотела убедиться, что это я играл на гитаре. Не найдя никого, кроме спящего мистера Джинго, она медленно повернулась ко мне с тем же самым удивлённым взглядом, что и прежде.

Я должен был что-то сказать.

Не в силах сдерживать дрожь в голосе, я произнёс:

– Да, это я играл.

Никогда прежде не видел, чтобы Фэнг выглядела такой шокированной. В одну секунду на её лице промелькнула целая гамма эмоций: шок, удивление, гнев… боль.

Я догадывался, о чём она сейчас думает. Я не только обошёл её по популярности… но и, по её собственному мнению, лучше играл на гитаре.

Её руки сжались в кулаки, а когти вонзились в чешую. Сердито фыркнув, она развернулась ко мне хвостом, собираясь уйти.

Но…

Я не мог просто так её отпустить.

– Фэнг, – позвал я.

Мой голос заставил её остановиться. Птерочка посмотрела на меня свирепым и осуждающим взглядом, словно желая на меня накричать, однако я заметил, настолько хрупкой и беззащитной казалась она сейчас, словно малейшее неловкое слово могло заставить её сломаться. Её рука скользнула по лицу, очищая его от размазанной слезинки, прежде чем она вернулась к своему обычному выражению, ожидая, что я сейчас скажу.

И я, воспользовавшись моментом, решил наконец сказать ей то, что давно хотел. Всего пять очень важных для меня слов.

– Ты потрясающе играешь на гитаре.

…

…

…

Её взгляд резко изменился, глаза замигали, а мордочка вытянулась, словно она на мгновение ослышалась.

– Что?

Я сделал шаг вперёд и вновь повторил сказанное:

– Ты потрясающе играешь на гитаре, Фэнг.

Я покачал головой.

– И очень жаль, что другие не хотят это признавать.

Фэнг выглядела совершенно ошеломлённой. Её крылья распахнулись, словно от испуга, и я с грустью осознал…

Что, наверное, был первым, кто сказал ей это вслух.

– Ты… – она, казалось, потеряла дар речи. – Ты… серьёзно?

– Да, так же, как и в тот раз, в понедельник, – кивнул я.

Затем я сделал паузу, неловко почесав затылок.

– Тогда… ты вроде как не поверили мне… но… – я кивнул, опуская руку. – Я говорил это искренне, без сарказма.

Фэнг на мгновение замерла, медленно прислонившись спиной к шкафчикам.

Затем она выругалась и, повернувшись, с громким лязгом ударила ногой по металлической двери.

– ЧЁРТ!

От её крика я едва не подпрыгнул и растерянно моргнул.

– Всё это время мне казалось, что… – Фэнг сделала паузу, продолжая хмуриться, после чего повернулась ко мне. – Только не думай, что я…

Она снова замолчала, прежде чем испустить вздох отчаяния.

– Просто ты…

Птеродактиль несколько раз кашлянула, прочищая горло, чтобы её голос звучал не так плаксиво.

– Что, чёрт возьми, ты со мной делаешь?

– Делаю? – растерянно спросил я, подняв на неё глаза.

– Да! – прорычала Фэнг, положив руки на бёдра. – Откуда, чёрт возьми, ты вообще знаешь моего брата? И почему все вдруг начали целовать тебя в задницу? А ещё, какого чёрта тебе от меня нужно?

Я опустил голову, пытаясь впитать в себя те вопросы, которыми забрасывала меня Фэнг.

– Не знаю, можно ли это назвать поцелуями в задницу, но…

Тут я сделал паузу, осознав кое-что важное.

– Минутку, Триш разве ничего тебе не рассказала?

Фэнг моргнула, отведя от меня взгляд.

– Нет, она… она ничего мне не говорила.

…

Твою мать, Триш!

Я могу понять Незера за то, что он не рассказывал о нас Фэнг, потому они почти не общались, но вот Триш…

Трицератопс не просто держала свою подругу в неведении, она пыталась направить её восприятие в одно конкретное русло.

Хотела взять под контроль жизнь Фэнг.

Мне очень не понравилась эта мысль, но я сдержался и, не став ругаться, просто сделал глубокий вдох.

Покачав головой, я начал отвечать на первый вопрос птерочки:

– Ну ладно, короче, мы с Оливией познакомились с Незером во время Кубка Метеора в седьмом классе, когда мы с ней учились в Мезозойской Частной Школе. Так что мы знали его все эти годы, задолго до того, как переехали в Волкалдера-Блаффс.

– Так долго? – удивилась Фэнг. – Тогда почему он никогда раньше не рассказывал мне о вас?

Я сделал паузу и поднял бровь, вспоминая один из старых разговоров с Триш.

– А ты когда-нибудь спрашивали его о поездке в Мезозойскую Частную Школу?

Фэнг медленно опустила взгляд.

– Я… – неохотно начала она. – Нет… но…

Она сделала паузу, покачав головой.

– В любом случае это не твоё дело.

– Как скажешь, – кивнул я, переходя к ответу на следующий вопрос. – Что касается моей внезапной… эм… популярности…

Мне было очень трудно произносить это слово.

– То она наступила после игры в вышибалу ещё во вторник.

– Вышибалу? – удивлённо повторила Фэнг, и я заметил, как её правый глаз еле заметно подёргивается.

– Да, – честно ответил я. – Думаю, всё началось с того, что Чет рассказал всем об этом после уроков, а потом…

Однако Фэнг больше не хотела слушать меня дальше. Она просто отвернулась к одному из шкафчиков.

– Серьёзно?! Грёбаная игра в вышибалу?! Все в этой дыре только об этом и говорят!

Затем она пнула его так сильно, что в коридоре раздался громкий металлический стук.

– ТЫ ПОЛУЧИЛ СТОЛЬКО СЛАВЫ И ПРИЗНАНИЯ ИЗ-ЗА ИГРЫ В ВЫШИБАЛУ?!

Прошло несколько напряжённых секунд, после чего она опустила ногу, тяжело дыша. Я благоразумно стоял молча, давая ей возможность выпустить пар.

– Это просто не… – наконец пробормотала она себе под нос. – Это несправедливо…

Подойдя ближе, я прислонился спиной к шкафчику, повернув голову к Фэнг, которая пустым взглядом смотрела вперёд.

– Если бы эта жизнь была справедливой… – начал я, покачав головой, – …то она точно бы началась не в Вулкано-Хай.

И, сказав это, я увидел…

Как клюв Фэнг растянулся в небольшой, но искренней улыбке. Похоже, её позабавили мои слова.

– Ну да, это правда, – сказала она.

Я не мог не улыбнуться в ответ, глядя на то, как Фэнг смотрит на меня и, кажется, осознаёт, что и сама сейчас улыбается.

Но тут она вновь нахмурилась и, прислонившись спиной к шкафчику, скрестила руки на груди. Её крылья плотно прижались к его металлической поверхности. Затем она повторила свой третий вопрос, но уже без злости и с искренним любопытством.

– Итак, что тебе от меня нужно?

Третий вопрос был странным, он заставил меня задуматься, осознав, что я очень многого от неё хочу, но при этом никак не могу назвать ей истинную причину, не раскрыв правду, в которую она всё равно не поверит.

Я хочу её понимания, сочувствия… прощения.

Это заставило меня почувствовать себя виноватым.

Действительно ли я делаю это для неё или, может, для себя?

Мыслей было так много, что я не мог придумать достойный ответ, а потому просто тихо вздохнул. Затем я медленно опустился на пол и положил одну руку на колено, а другую – на пол.

– Я не знаю.

Фэнг, похоже, была заинтригована моим ответом, и, к моему удивлению, тоже села на пол рядом со мной, прислонившись спиной к шкафчику, и пристально посмотрела на меня, пока я пытался понять, что ей ответить.

– Есть несколько причин, по которым я… – начал я, вспоминая свою прошлую и нынешнюю жизни.

Седьмой класс Мезозойской Частной Школы, когда я услышал, как мистер Рипли и Саманта объясняли Незеру, почему не приехала Фэнг. Разговор Незера и Оливии о его отношениях с сестрой. Мои прошлые неловкие попытки помочь ей. Всё это было так запутанно.

Однако я знал одну вещь, которой мне не хватало в прошлой жизни и, по иронии судьбы, сейчас.

– Может быть, я просто хочу узнать тебя получше. В конце концов, я знаю о тебе ещё со времён Кубка Метеора. Я слышал как говорили о тебе твои родители, да и Незер тоже.

Мысленно я признал, что, скорее всего, имел в виду свою прежнюю жизнь, а не нынешнюю.

Птерочка открыла клюв, когда я ненадолго сделал паузу.

– А может… – вновь попытался я найти объяснение, вспоминая вчерашний вечер и слова, сказанные мне Оливией. Должно быть, Фэнг чувствовала сейчас то же самое, что чувствовал в тот момент я.

– Может, я услышал, как потрясающе ты играешь… и просто не захотел, чтобы этот жестокий мир отнял это у тебя.

Фэнг на мгновение задумалась, а затем посмотрела вперёд. Теперь мы оба смотрели на шкафчики на противоположной стороне. После нескольких секунд полной тишины я наконец-то набрался смелости и задал вопрос, который не давал мне покоя с тех пор, как я получил возможность поговорить с Фэнг. Я хотел выяснить кое-что очень важное для меня.

– Эй, хочу спросить, – начал я, и Фэнг повернула ко мне голову.

– Если не хочешь, можешь не отвечать, но…

Я тоже посмотрел на неё.

– Ты плакали из-за того, что услышали мою игру?

Я увидел, как её глаза опустились вниз, а мордочка слегка напряглась, когда она стала подбирать подходящий ответ.

– Ну, я…

Затем её янтарные глаза внезапно округлились.

– Т-Триш?

– Триш? – удивлённо повторил я.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что это было не признание, а внезапное осознание, и мои глаза тоже расширились, переведя взгляд с Фэнг на приближающегося к нам трицератопса. Её обеспокоенный взгляд при виде меня сменился на гневный.

Фэнг быстро встала, и я сделал то же самое.

Триш подобно урагану налетела на меня, обвиняюще ткнув пальцем в грудь.

– Что, чёрт возьми, тут происходит?! Что ты с ними сделал?!

– Я… ничего, мы просто…

– Что?!

Но я не знал, что ей сказать, ведь она всё равно бы мне не поверила.

– Анон ничего мне не сделал, Триш, – в этот момент сказала Фэнг, скрестив руки на груди, с лёгким оттенком досады и раздражения в голосе. – А тебе-то что? Ты что, мой отец, чтобы лезть к другим с обвинениями?

Вся агрессия, которую Триш проявляла по отношению ко мне, мгновенно испарилась. Она выглядела ещё более шокированной, чем я, оттого что Фэнг только что в открытую заступилась за меня.

– Я… я… – Триш тяжело сглотнула и открыла рот, не зная, что на это сказать. – Я просто волновалась, когда ты не вернулись после того, как сказали, что сходишь за телефоном.

Триш сделала паузу.

– В другой раз хотя бы напиши мне, если собираешься задержаться.

Фэнг отвернулась, всё ещё хмурясь.

– Хорошо. В следующий раз я так и сделаю.

Затем она оглянулась и посмотрела на меня.

– Прости.

После чего прошла мимо нас с Триш, не сказав больше ни слова.

Трицератопс оглянулась на меня с выражением на лице: «Это ещё не конец», а затем повернулась к Фэнг и, догнав её, попыталась увлечь какой-то новой бизнес-идеей, способной поднять их группу на самую вершину.

Я же просто стоял на месте и смотрел, как они удаляются по коридору, а затем развернулся и направился в противоположный конец.

Но… не успел я завернуть за угол, как обернулся, чтобы посмотреть на неё в последний раз.

К своему удивлению, я обнаружил, что Фэнг сделала то же самое на другом конце, когда Триш зашла за угол, продолжая идти и не зная, что птерочка остановилась. Мы двое прикрыли глаза, а затем…

Я улыбнулся ей.

Прошла секунда, и я увидел, как дрогнул краешек её клюва, не проявляя никаких открытых эмоций, которые я мог бы различить на таком расстоянии.

Это выглядело немного противоречиво, как будто она и сама не знала, как именно должна на это реагировать.

Через мгновение Фэнг молча продолжила идти за Триш, исчезнув за углом, а я медленно повернулся назад, направляясь к парадному входу.

Несмотря на то, что наш разговор был прерван…

Я был искренне рад, что наконец-то получил возможность поговорить с Фэнг.

И я знал, что когда-нибудь у меня появится ещё один шанс.

Я двинулся по коридору и наконец-то добрался до входа в школу, где заметил Оливию на верхней площадке возле лестницы, которая разговаривала с Незером, сидя в инвалидном кресле и повернувшись ко мне спиной.

У меня в голове зародилась дьявольская идея. Я решил незаметно подкрасться к сестре и… напугать её.

Моя походка замедлилась до крадущегося на цыпочках шага. Я словно стал един с окружавшими меня тенями.

Вот только, как оказалось, мои навыки ниндзя были совершенно бесполезны для тех, кто умеет пользоваться глазами.

Вскоре Незер заметил меня, оторвавшись от разговора, его глаза моргнули, когда он что-то сказал Оливии.

И, судя по всему, выдал меня, поскольку, когда я был рядом с Оливией, она внезапно развернулась, широко раскрыла пасть, как голодный хищник, и…

Сомкнула её на моём многострадальном носе.

– Ай, фдаюфь! – невнятно произнёс я, падая на колени. Но сестра и не думала меня отпускать и несколько раз игриво поводила ртом в разные стороны.

– Лафно-лафно, профти, – взмолился я сквозь зажатый рот, и Оливия милостиво разжала челюсть, позволив мне встать на ноги.

Я поднялся, бросив обвиняющий взгляд на птеродактиля.

– Незер, как ты мог? Не могу поверить, что ты выдал меня, брат.

Птеродактиль скрестил руки, стараясь не захихикать, и покачал головой.

– Прости, Анон, но я не мог позволить тебе подкрасться к Оливии.

– Да, спасибо, за это, – поблагодарила его Оливия, а затем снова посмотрела на меня. – Кстати, ты чего так задержался? Мы ждём тебя уже целых десять минут.

Я на мгновение задумался, прежде чем пожать плечами.

– Простите, я был… – я не знал, как объяснить им то, что сейчас произошло, и решил остановиться на самом простом ответе, который был не так уж далёк от истины, – …в классе музыки и играл на гитаре. И похоже, что немного увлёкся.

Затем я быстро сменил тему.

– И о чём же вы разговаривали, пока меня нет?

– Да так, о разных мелочах. О домашнем задании и всём таком прочем, – беззаботно ответила сестра.

Услышав это, Незер, похоже, кое-что вспомнил.

– Кстати, об этом, – он посмотрел в свой телефон, и его глаза расширились. – Мне уже пора идти на тренировку.

Затем он посмотрел на меня.

– Увидимся в воскресенье, Анон?

– Да, я пришлю тебе наш адрес, чтобы ты нас забрал, – ответил я, и Незер с улыбкой кивнул, после чего повернулся к Оливии.

– И, Оливия…

Птеродактиль неловко потёр шею.

– Твой поход в «InGen»…

На лице птеродактиля появилось озабоченное выражение.

– Это ведь не будет… опасно или что-то в этом роде, верно?

Оливия покачала головой.

– Не думаю. Они просто сделают несколько снимков моей головы.

– Это хорошо, – кивнув, сказал Незер, а затем повторил, на этот раз более уверенно: – Хорошо.

После чего улыбнулся.

– Не могу дождаться воскресенья, чтобы показать вам окрестности Волкалдера-Блаффс.

Улыбка появилась и на мордочке Оливии.

– А я не могу дождаться, когда увижу это, – ответила она.

Незер снова кивнул, а затем медленно присел и протянул руки, чтобы на прощание обнять её.

Оливия ответила ему взаимностью и тоже протянула руки.

Птеродактиль слегка наклонился к ней, и они обнялись. Это было очень мило, и я не мог не улыбнуться…

Пока не заметил, что это продолжается гораздо дольше, чем я предполагал.

Оливия закрыла глаза и тихо вздохнула, прислонившись щекой к его шее. В то время как здоровое крыло Незера, казалось, инстинктивно выполнило тот самый защитный жест, который я уже много раз видел, закрыв её. Хотя на этот раз оно встретилось со спинкой её кресла-каталки и распростёрлось над бариониксом, как купол.

И хотя Оливии пока что не призналась, но я-то видел…

Что эти двое по-прежнему испытывают друг к другу чувства, вновь вспыхнувшие после столь долгой разлуки.

Через несколько минут я заметил, что Незер, кажется, тоже осознал, что их обнимашки слегка затянулись, и неуверенно пошевелился.

– Эм… О-Оливия?

Ей потребовалось мгновение, чтобы ответить.

– Да? – тихо спросила она.

– Мне действительно надо идти. Так что, не могла бы ты…

Её реакция была мгновенной. Серебристо-жёлтые глаза расширились, когда она стремительно разжала руки и упала обратно в кресло. Однако из-за скорости, с которой она это сделала, Незер остался без опоры и его руки беспомощно заболтались, а крыло начало махать, пытаясь удержать его от падения.

Но у него ничего не получилось и спустя секунду произошло неизбежное: птеродактиль с удивлённым вздохом рухнул вперёд… прямо в объятия Оливии, прижавшись своим клювом к её мордочке.

…

…

…

И почему, чёрт возьми, мне сейчас показалось, что я наблюдаю сцену из романтической визуальной новеллы?

Веснушчатые чешуйки Оливии стали красными, как помидор, а Незер изобразил некое подобие ступора после чего они оба резко отстранились. Птеродактиль, казалось, потерял дыхание, не в силах произнести ни единого слова из того, что было у него в голове. Я решил наконец вмешаться и спасти его. Мои руки схватили Незера за плечи и поставили на ноги. Птеродактиль застыл на месте как статуя, всё ещё глядя на Оливию, которая смущённо смотрела на него в ответ.

Затем он быстро мне кивнул и стремительно прошёл мимо. Его крыло инстинктивно прикрыло его, как это делала Фэнг, когда ей становилось неловко. Однако я всё же смог каким-то образом разглядеть за серой мембраной его покрасневшие от смущения щёки.

– ПокадовоскресенияАнониОливия, – неразборчиво произнёс он то, что заставило бы даже мистера Цуки растеряться, и покинул нас, направившись к школьной раздевалке.

Я посмотрел на Оливию, которая, замерев, уставилась на двери школы.

Я медленно подошёл к ней.

– Эм… сестрёнка?

Она не ответила, и я, коротко оглядевшись по сторонам, помахал рукой у неё перед глазами.

– Ау?! Земля вызывает Оливию, приём!

Она вздрогнула, подняв на меня глаза.

– Д-да?

Я слегка улыбнулся, стараясь не дать моей улыбке перерасти в ехидную ухмылку.

– Тебе, наверное, стоит приберечь эту растерянную мордашку на тот случай, если вы с Незером вновь начнёте встречаться.

Честно говоря, я ожидал, что она опять меня куснёт за такую наглую подколку, но… к своему удивлению обнаружил, что всё ещё стою на ногах, а на лице Оливии появилось новое выражение, когда она посмотрела вниз.

И это было похоже на… чувство вины?

– Оливия? – мягко произнёс я. – Сестрёнка, ты в порядке?

Она отвела взгляд и, отключив тормоз, развернула своё инвалидное кресло, давая понять, что хочет, чтобы я запрыгнул на него и мы вернулись домой.

Что бы сейчас ни творилось на уме у Оливии, она, похоже, не хотела об этом говорить. Я нерешительно наступил на подножку, стараясь не выдать своего беспокойства, пока Оливия катила нас вперёд.

Я слишком хорошо знал свою сестру и то, что она становится невероятно тихой лишь тогда… когда её что-то по-настоящему беспокоит.

К сожалению, у меня не было возможности обсудить это, так как остаток дня мы провели в подготовке к завтрашнему посещению лаборатории «InGen».

***

Наступила суббота.

Несмотря на то, что наконец-то начались выходные, будничная суета, казалось, не закончилась. Доктор Ву уже всё подготовил, выделил специальную комнату, проинструктировал персонал, подготовил оборудование.

Но все процедуры заняли немало времени. А потому мне с родителями пришлось ждать в коридоре, испытывая чувство тревоги, несмотря на отсутствие какой-либо угрозы для Оливии. После нескольких напряжённых часов дверь наконец-то открылась, и к нам выехала барионикс в халате для пациентов. Она сидела в своём кресле, а рядом с ней шёл доктор Ву.

– Ну что ж, мы завершили предварительное обследование и оно прошло без проблем, – начал он.

Мы втроём встали на ноги, и я поднял с пола рюкзак Оливии, где была её одежда.

Папа первым заговорил с бариониксом.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая?

– Хорошо, дядя Эд, – ответила Оливия, с отвращением потянув за воротник своей больничной одежды. – Хотя я бы не отказалась переодеться, если это возможно.

Услышав это, я протянул ей рюкзак, и Оливия изящно подхватила его и поставила себе на колени.

Медсестра проводила её к раздевалке.

Покончив с этим, я обернулся, чтобы посмотреть на беседу моих родителей и доктора Ву.

– …и, что хорошо, увиденные нами результаты совпадают с другими похожими случаями в нашей базе данных, которые, возможно, являются ключом к пониманию болезни вашей дочери.

– Приятно слышать, – кивнула Джоан, после чего наклонила голову. – Так что же будет дальше с Оливией?

– Что будет дальше? – повторил доктор Ву и поднял электронный планшет, чтобы проверить свои записи. – В ближайшие несколько недель мы проведём с ней дополнительное сканирование и ещё несколько коротких тестов, чтобы понять, какие именно участки нервов нуждаются в стимулировании. После чего займёмся самим лечением.

Отец кивнул в знак одобрения.

– Хорошая новость, доктор. Но я хотел бы узнать, что…

В этот момент раздался скрип колёс и я, обернувшись, увидел выехавшую из раздевалки Оливию, которая переоделась в свою обычную одежду.

Я направился к ней, оставив родителей и доктора, которые продолжали обсуждать состояние барионикса.

– Ну, сестрёнка, рассказывай, как именно тебя обследовали? – спросил я у неё.

Оливия пожала плечами.

– Вначале они пропустили меня через магнитно-резонансный томограф, потом взяли парочку анализов, которые не сильно-то отличались от тех, что мне делали раньше, когда… ну, знаешь… мне впервые поставили диагноз.

Затем она на мгновение задумалась и прибавила:

– А ещё мне на голову надели странный шлем с проводами, выходящими из верхней части, и это… – барионикс нахмурилась, – …наводит меня на мысль о том, что…

– Они решили, что всё дело в твоей голове, а не в нервах? – предположил я, и сестра еле заметно кивнула.

– Верно. Они даже хотели, чтобы я во время этой процедуры думала о том, как шевелю ногами.

Оливия глубоко вздохнула.

– Не знаю, помогло ли это, но все эти доктора казались мне какими-то удовлетворёнными. Надеюсь, доктор Ву узнал что-то важное, что поможет мне… вновь начать ходить.

– Я тоже, сестрёнка, – с улыбкой сказал я, и, заметив, как она нахмурилась, решил её подбодрить.

– Ладно, не раскисай! У нас с тобой завтра встреча с Незером! Ты уже решила куда хочешь, чтобы он нас свозил?

– Ещё нет, – как-то уж вяло ответила Оливия, опустив глаза.

Это показалось мне странным и я, воспользовавшись моментом, пока мы одни, решил поговорить с ней.

– Эй, Оливия, тебя что-то гложет?

Барионикс тихо вздохнула и посмотрел на меня.

– Что, так заметно, да?

Затем она снова посмотрела вниз.

– Просто… я много думала в последнее время.

– Да? И о чём же? – спросил я.

– О Незере и… обо мне, – призналась Оливия, и мои глаза расширились, когда она продолжила.

– Я не уверена, что… ну… поступаю правильно или что-то в этом роде, ведь мне… мне кажется, что…

Она сделала паузу, отводя взгляд.

– Возможно, у Незера всё ещё остались чувства ко мне.

Я вспомнил торопливое признание, которое птеродактиль сделал на уроке физкультуры. Но обещание есть обещание, и я решил не подтверждать её подозрения.

– Да? И как ты догадалась?

– Просто то, как он ведёт себя со мной, отличается от того, как он ведёт себя с другими. Это выглядит так, словно мы снова вместе… только без поцелуев.

Затем Оливия неловко пробормотала:

– И учитывая то, что было вчера в школе… я… я поняла…

Она покачала головой и посмотрела мне в глаза.

– Что у меня тоже есть к нему чувства.

Её признание вызвало небольшую улыбку на моём лице, после чего она продолжила:

– И я просто не могу ничего с этим поделать. Даже спустя столько лет… он по-прежнему остался таким же добрым, нежным и… милым птеродактилем, которого я знаю с седьмого класса.

Я скрестил руки на груди.

– Понятно, и какой же у тебя план?

– План? – повторила Оливия. – Думаю, в это воскресенье я встречусь с Незером и скажу ему, что…

Я молча слушал, представляя себе реакцию птеродактиля, когда он встретится с ней.

– Между нами ничего не получится.

…

…

…

– Что?! – ахнул я.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что сказала Оливия. Мой мозг несколько раз обработал её слова и всё же не смог до конца осознать, что я только что услышал. Моя пасть удивлённо открылась. Наконец-то я заметил, что Оливия смотрит вниз и не может встретиться со мной взглядом после того, как рассказала о своих планах…

– Оливия… ты…

– Эй, дети, – внезапно раздался голос, и мы оба повернулись и увидели, что к нам подошли родители.

– Ну вот, мы закончили и теперь собираемся пообедать, – с улыбкой сказал папа. – И для этого поедем в «У Дино-Мо» и закажем себе пиццу, что скажете?

– Эм… да, хорошо, – просто ответила Оливия, и мы оба, надев свои лучшие маски, кивнули с неловкими улыбками.

Однако папа всё же заметил, что что-то не так, и слегка сузил глаза.

– Всё в порядке? – спросила мама, тоже почувствовав неладное.

Никто из нас ничего не сказал, мы просто кивнули головой, пытаясь сохранить невозмутимые лица, когда папин взгляд на мгновение стал пытливым, анализируя нас. Не то чтобы мы скрывали что-то от Эдварда, просто этот разговор был слишком личным, и Оливия явно не собиралась в данный момент делиться своими проблемами. А я не хотел её выдавать. Поэтому папа просто смирился с нашим молчанием, явно понимая, что что-то не так, в то время как мама смотрела на нас с обеспокоенным видом.

Последующая поездка в машине выдалась немного неловкой.

***

Несмотря на желудок, полный пиццы, ничто не могло унять беспокойство царившее в нём.

Когда мы вернулись домой, я тихо подошёл к Оливии и отвёз её к комнате, после чего открыл дверь.

Пройдя немного вперёд, я обернулся и заметил, что она всё ещё была в коридоре.

Барионикс понимала, что я хочу с ней поговорить, и с тяжёлым вздохом исполнила моё желание, открыв дверь чуть шире и как бы предлагая мне войти.

Заехав внутрь, она включила свет, и заплясавшие в помещении тени словно оживили некоторые картины, висевшие у неё на стене.

Я медленно подошёл к кровати и сел.

Оливия осталась в своём кресле-каталке, повернувшись ко мне лицом. Несмотря на то, что мы были рядом, мне казалось, что нас разделяют многие мили. Наконец я не выдержал тишины и сказал:

– Итак, сестрёнка, я не понимаю, почему ты хочешь расстаться с Незером. Ты же говорила, что любишь его.

– Люблю, – без колебаний подтвердила она.

Я моргнул.

– Тогда… почему? Зачем ты собираешься разбить ему сердце?

Оливия медленно опустила глаза.

…

– Потому что я недостаточно хороша для него.

От её слов повеяло холодом, который словно забрался мне под чешую. Я не верил, что только что услышал это от своей сестры.

Но что самое ужасное, это напомнило мне то, что мог бы сказать я, до того как Оливия появилась у нас в доме и я дал клятву стать для неё и родителей кем-то.

Я услышал слова старого Анона, который хотел быть никем.

Однако, несмотря на шок, я попытался понять, почему она так решила.

– Но ты же не… почему ты вообще так думаешь? – спросил я.

Оливия вскинула руки, покачав головой.

– Да ладно, Анон, ты серьёзно не понимаешь?

Она жестом указала на себя.

– Просто посмотри на меня.

Я пристально оглядел её с ног до головы, но не нашёл ничего необычного. Тогда Оливия снова вздохнула и, отвернувшись в сторону, ворчливо произнесла:

– Я грёбаная калека в инвалидном кресле!

Я поднял глаза и нахмурился.

– И что?

– И что?! – повторила она, набрав в грудь воздуха. – Ты действительно думаешь, что в таком состоянии, в котором я сейчас нахожусь, я смогу быть с Незером?

– Да, – без колебаний ответил я, и Оливия нахмурилась.

– Ты просто не понимаешь.

В этот момент я больше не смог этого выносить.

– Тогда помоги мне "понять", Оливия! – отчаянно потребовал я. – Я знаю, что последние два года были чертовски трудными для тебя, но… ты всегда хорошо справлялась со своими проблемами. Однако, слушая тебя сейчас, я не узнаю свою сестру. Оливия никогда бы так не поступила. Никогда бы не занялась самобичеванием.

Я сделал паузу, после чего прибавил:

– Вот и скажи мне, что изменилось?

Оливия на секунду опустила взгляд и вновь посмотрела на меня.

– Просто я поняла, что Незер заслуживает лучшего после всего, через что ему пришлось пройти.

– Да ну? Выходит, что Незер не может быть счастлив с доброй, проницательной и милой девушкой, которую он встретил и полюбил в седьмом классе?

Оливия скрипнула зубами.

– Всё не так просто! Ты не знаешь, что ему нужно на самом деле, Анон!

– Как и ты! Однако именно этим ты сейчас и занимаешься, Оливия! – попытался объяснить я. – Хочешь разбить сердце любящему тебя парню, потому что думаешь, что знаешь его лучше других!

На мгновение между нами воцарилось неловкое молчание.

Наконец Оливия нарушила его.

– Уходи, – сказала она.

Я был ошеломлён.

Ни разу за всю мою жизнь Оливия не просила меня покинуть её комнату, а её хмурый и полный обиды взгляд поверг меня в шок и ужас от осознания того, что тот, кого ты любишь, в данный момент ненавидит тебя до глубины души.

Я встал с кровати и двинулся мимо неё к двери, размышляя.

Как? Как мы с моей сестрой дошли до такого?

И только когда Оливия вновь заговорила, я обрёл некоторую ясность. Она словно пыталась убедить меня, а точнее, себя.

– Так будет лучше для нас с Незером.

Я остановился, на мгновение уставившись на закрытую дверь и думая о своей прошлой жизни. О том, сколько раз мне казалось, что я делаю "правильный выбор", хотя на самом деле это было что-то мерзкое и ужасное, а потом, подобно какому-нибудь трусу, думал: «Ну что ж, я сделал всё, что мог», и наблюдал, как всё летит к чертям собачьим. И вот я вновь столкнулся с этим, но теперь подобный поступок совершал не я, а близкий мне динозавр.

Мои когти опустились на металлическую ручку на двери.

– Иногда лучше – не значит правильно, – тихо сказал я и, открыв дверь, вышел из комнаты Оливии в коридор, где теперь просто стоял и не знал, что делать дальше.

Почему? Почему она собирается всё разрушить?

В жизни моей сестры уже было немало трагедий. Столько потерь и боли. Так почему же она хочет добавить к ним ещё больше?

На мгновение я почувствовал желание вернуться к ней и сказать, что она не права.

Что Незер и она могут быть вместе.

Что она заслуживает счастье.

Но…

В кои-то веки я ощутил, что не справлюсь с этой задачей, а потому не стал этого делать. Не захотел причинять ей ещё больше боли.

Теперь я в полной мере мог ощутить то, через что прошёл Незер в отношениях с Фэнг.

В оцепенении я вернулся в гостиную, где мама стояла на носочках, пытаясь дотянуться до чего-то на одной из верхних полок. Папы нигде не было видно, вероятно, он занимался чем-то в гараже.

Я подошёл ближе, и Джоан, услышав меня, повернула голову, держась за полку рукой.

– О, Анон, – сказала она, после чего жестом показала на верхнюю полку. – Как думаешь, сможешь достать тот фотоальбом?

– Ага, – кивнул я, подойдя к книжной полке, и, легко протянув руку, взял альбом. Когда я сделал это, несколько страниц раскрылись и мимо меня прошелестела выпавшая фотография, сделанная много лет назад. На ней были мы с Оливией в Диноленде, во времена, когда ходили в детский сад. Эх, сколько лет прошло, а кажется, будто всё это было вчера. Как же я тогда был счастлив, в основном потому, что в прошлой жизни у меня, благодаря жадности родителей, не было возможности побывать в таком месте.

Оливия, напротив, выглядела испуганной, в основном из-за надвигающегося за кадром переодетого в героя мультика типа. Её серебристые глаза расширились, а сама она крепко сжимала мою руку от страха, пока её взгляд был устремлён вдаль от объектива камеры.

– Этой фотографии, должно быть, уже лет двенадцать, – вслух сказал я, подбирая её с пола.

Я поднял глаза и увидел, как мама с нежной улыбкой забрала у меня альбом и начала его перелистывать, чтобы показать мне другие фотографии во время наших коротких каникул в Диноленде. На одной из них – мы вчетвером катались на американских горках, снятые камерой на борту. Папа, мама и Оливия выглядели взволнованными, в то время как я спокойно смотрел вниз с максимально бесстрастным лицом и удобно сложенными руками.

Я сделал это после того, как заметил камеру в самый разгар поездки.

– Помнишь, как мы смеялись, когда увидели экран в конце? – напомнила мама.

– Ну да, – ответил я, глядя на несколько последних снимков, сделанных мамой. На них мы выходили из парка. Папа нёс Оливию, которая спала у него на плече, а я шёл рядом с ним.

Я коротко улыбнулся воспоминаниям, и мама подняла на меня глаза.

– Кстати, у вас там всё в порядке? Я невольно услышала спор, доносящийся из комнаты Оливии.

Она наклонила голову.

– Вы поссорились?

– Не совсем, – с тяжким вздохом покачал я головой, после чего решил ничего не скрывать и выложил ей всё начистоту. – Просто Оливия хочет расстаться с Незером… хотя очень любит его.

Я посмотрел маме в глаза.

– Говорит, что так будет лучше, раз она не может ходить, но…

Я снова вздохнул.

– Я просто не понимаю, как она может так думать.

Удивительно, но моя мама, казалось, совсем не удивилась этой новости. Вместо этого она задумчиво постукала когтем по подбородку.

– Хм, вот как?

Затем она вновь указала мне на верхнюю полку.

– Анон, достань-ка мне второй альбом и присаживайся на диван.

Я кивнул и взял с верхней полки более старый альбом, после чего протянул его маме и сел рядом с ней, пока она начала перелистывать его.

– Так, где это?

Спустя пару секунд она подняла глаза, очевидно найдя то, что искала.

– Ага, вот она!

Мама показала мне фотографию, на которой она была ещё ребёнком с яркой улыбкой на мордочке, стоящая возле двух улыбающихся пожилых компсогнатов перед деревянным домиком.

– Помнишь, я показывала тебе эту фотографию?

– Ага… вроде того, – сказал я, разглядывая её. – Это ты, твои дедушка и бабушка. – Затем я сделал паузу. – То есть мои прадедушка и прабабушка.

Мама кивнула, положив руку мне на плечо.

– Ну да. Как жаль, что они не дожили до того момента, когда родился ты. Они бы тебя полюбили.

Затем она подняла глаза и посмотрела на меня.

– Мама привозила меня к ним каждое лето, чтобы я проводила каникулы на природе, помогая им в огороде и гуляя в лесу.

Она улыбнулась.

– Где однажды нашла на земле совёнка.

Я с интересом посмотрел на неё, пока она рассказывала.

– Наверное, он выпал из гнезда, и в одиночестве его легко могли съесть хищники. Поэтому я забрала его себе, и мои бабушка и дедушка разрешили мне вырастить его. Вскоре он быстро подрос, окреп и научился летать. Я даже придумала ему имя.

Джоан сделала паузу, пытаясь его вспомнить.

– Арчи, кажется, но именно в тот момент дедушка велел мне отпустить его.

– И ты так и сделала? – спросил я.

Мама посмотрела на меня с улыбкой.

– Да, хотя вначале я очень этого не хотела, и тогда дедушка сказал мне то, что я запомнила на всю жизнь.

Она задумчиво посмотрела вперёд.

– Если ты кого-то любишь, отпусти его. Если он не вернётся, значит, он никогда не был твоим.

Затем она замолчала.

– А если вернётся? – спросил я.

– Значит, вам судьбой предначертано быть вместе.

– Так он вернулся?

Мама медленно покачала головой.

– Нет. Арчи не вернулся, хотя я очень сильно хотела снова увидеть его. Много дней я сидела на подоконнике и ждала, что он прилетит. Но этого так и не произошло.

Она пожала плечами.

– Оглядываясь назад, я понимаю, что Арчи вернулся в дикую природу. Это означало, что лес ему был гораздо важнее меня.

Затем она посмотрела на меня.

– Однако я ещё не закончила свою историю, потому что теперь мне нужно рассказать тебе о твоём отце, и о том, о чём он, вероятно, никогда тебе не рассказывал.

Теперь моё внимание было полностью сосредоточено на ней, пока она переворачивала ещё несколько страниц.

– Как ни странно, у твоего отца не так уж много фотографий, на которых он изображён до нашей встречи. Но у него есть одна – военная фотография времён вторжения в Пангею.

Тут она оживилась.

– А, вот она!

Я посмотрел на чёрно-белую фотографию и моргнул.

Мгновенно я узнал папу, компсогната с М16 и… боевой раскраской? В куртке, которая сейчас была на мне, и с тёмными авиационными очками, скрывающими его глаза. Возле него стояло множество других динозавров, которые, судя по всему, были в его отряде.

– Да, таким был Эдвард, когда служил в армии. А это… – она указала на пушистого белого нанукзавра, – …Алекс Мейсон, – затем она ткнула когтем в свирепого на вид дриптозавра, – Фрэнк Локвуд, ну и, конечно же, его хороший друг…

Она показала на громадного дейнозуха с шрамами на лице, который был блондином и единственный не имел огнестрельного оружия… лишь гигантский нож-бабочку, который он зажал в когтях.

– Броккодил.

Я весело фыркнул, и она посмотрела на меня.

– Ну, на самом деле его зовут Брокк Сэмпсон, а это было его забавное прозвище, которым его все называли. Я имела удовольствие познакомиться со всеми бывшими товарищами твоего отца по отряду на моей свадьбе. Отец Оливии и Брокк были его шаферами.

Я уставился на фотографию.

– Эм… мама?

– Да, дорогой?

– Почему у них на глазах цензурные полоски?

И не только на глазах, но и на знаках отличия и татуировках, которые могли хоть как-то их разоблачить.

– О, не обращай внимания, Анон. Твой отец добавил эти полоски для "национальной безопасности", как он сказал.

Джоан хихикнула.

– Эдвард иногда бывает слегка скрытным.

«Ага, скрытным и жутким», – подумал я, чувствуя, что мне не стоило смотреть на эту фотографию, пока Джоан продолжила переворачивать страницы, на одной из которых она показала себя в наряде официантки из закусочной, улыбающейся в камеру.

– Мы с твоим отцом познакомились уже после войны. Я работала официанткой, когда впервые увидела его, сидевшего за столиком у окна в закусочной. Он всегда заказывал кофе без кофеина, и я ему приносила его день за днём, всё больше и больше обращая на него внимание.

Джоан улыбнулась.

– И поскольку он был очень красивым динозавром, однажды я решила немного подразнить его и сказала, что подозреваю, что он ходит сюда не из-за кофе без кофеина, а чтобы увидеть меня.

Она мечтательно улыбнулась.

– И он сказал мне, что я права.

«Да, довольно ловкий ход, папа», – мысленно улыбнулся я.

– После этого мы начали с ним встречаться, и это были одни из лучших месяцев в моей жизни, – продолжила мама. – Вы с Оливией наверняка бы нас не узнали, если бы увидели. Я была довольно разговорчивой и любопытной, в то время как он – всегда тихим и сдержанным. Но это не имело значения… потому что он был таким очаровательным, когда говорил, а я такой очарованной, когда слушала.

Мама покачала головой.

– Я и представить не могла, что мы так хорошо поладим за эти несколько месяцев. А после очередного романтического свидания он пригласил меня к себе в квартиру в центре города. Я была напряжена и молча надеялась, что эта история продолжится дальше и всё станет намного серьёзнее. В моей голове уже летали фантазии о браке и детях. Когда я приехала, Эдвард угостил меня самым красивым и романтичным домашним ужином. А когда мы поели, я приготовила ему специальный декаффо без кофеина…

Затем она нахмурилась.

– А после он сказал, что между нами ничего не получится.

«Чёрт возьми, папа!» – мысленно ахнул я.

– Можешь себе представить, как я была расстроена, когда услышала это.

Она подняла голову, вспоминая неприятное событие в своей жизни.

– Честно говоря, я до сих пор удивляюсь, как я тогда ничего не разбила, когда он перечислял мне причины, по которым мы не сможем быть вместе, многие из которых были связаны с его "работой".

Она покачала головой.

– Поэтому я спросила его просто и ясно: хочет ли он меня отпустить?

Мама сделала паузу.

– И он ответил «Да», после чего я встала и ушла, не сказав больше ни слова.

Джоан тихо вздохнула.

– До сих пор помню, как нелегко мне было в тот момент, потому что я тоже мысленно отпустила его…

Я глубоко вздохнул, молча слушая и гадая, что же, чёрт возьми, произошло дальше.

– Итак, я стояла и ждала лифт, пока не поняла, что забыла сумочку. Я с трудом развернулась, но так и не решилась пойти за ней, поскольку не могла смириться с мыслью о возвращении к нему в квартиру… но какая-то часть меня всё ещё надеялась, что наши отношения можно спасти, словно во мне проснулась та маленькая наивная девочка, отчаянно ждущая у подоконника Арчи, и тут…

Она улыбнулась.

– Не прошло и минуты после нашей разлуки, как я услышала резко открывшуюся дверь квартиры, и Эдвард выбежал в коридор. Он был весь растрёпан, на его рубашке красовалось пятно от кофе без кофеина, очки были надеты криво, а взгляд…

Она хихикнула.

– Когда я увидела его широко раскрытые от облегчения глаза, то сразу поняла, что он рад, что я не уехала. Однако у него не было в руках моей сумочки. Он выбежал не для того, чтобы её вернуть.

Мама закрыла глаза, продолжая улыбаться.

– А для того, чтобы вернуться ко мне.

Я тоже не мог не улыбнуться, когда под моей чешуёй зародилось успокаивающее тепло, после того как я услышал, как всё произошло.

– И, поскольку мы вернулись друг к другу, я поняла, что нам суждено быть вместе. Мы оба словно почувствовали нечто особенное, что было между нами. То, что не требует никаких слов или объяснений. И тогда…

Мама покраснела.

– Мы бросились друг к другу и стоило нам вернуться назад, как он тут же повалил меня на диван и сорвал блузку.

И-и-и момент милых романтических воспоминаний плавно перетёк в порнографический рассказ, от которого я невольно скривился, словно только что попробовал испорченное молоко.

– Ох, прости, дорогой! Наверное, мне не стоило упоминать это, – рассмеялась мама.

– Это уж точно, – шокировано кивнул я.

– Но вернёмся к тому, почему я тебе всё это рассказываю, – продолжила Джоан. – Я не могу точно сказать, почему Оливия считает, что отпустить Незера – это правильный выбор. Возможно… после стольких потерь в её жизни… она думает, что это единственный способ избежать новых, но… если она решит отпустить его… то единственное, что я могу тебе посоветовать, позволь ей сделать это. Оливия – взрослая девушка и должна сама решать, что для неё правильно.

Я задумчиво посмотрел вниз.

– Однако, – она осторожно провела когтем по моему подбородку, и я поднял голову. – Если эти двое и правда любят друг друга, то я не слишком-то беспокоюсь о том, что они останутся в разлуке. Могут пройти месяцы, недели… – она улыбнулась, – …или всего лишь пара минут, после которых они вернутся друг к другу и тогда станет ясно, что их судьба – быть вместе.

Мама опустила коготь.

– И пусть голова порой думает, что знает, чего мы хотим… сердце всегда стремится к тому, что нам нужно на самом деле.

Моргнув, я уставился вперёд, обдумывая то, что сказала мне мама. Возможно, я и правда слишком много решал за сестру и хотел, чтобы вся её жизнь была такой, какую я видел в созданном мною безупречном мирке. Примерно так же, как это делала розовая манипуляторша Наоми.

А может, меня просто спровоцировал тот факт, что Оливия… была слишком похожа на меня прошлого. Однако, в каком-то смысле, это давало мне надежду.

Надежду на то, что она, как и я, сможет преодолеть свои страхи и обрести смысл жизни.

Я улыбнулся, вспомнив мамину последнюю фразу.

– Кстати, а эта мысль про голову и сердце… это тоже мудрый совет твоего великого дедушки?

– Нет, я вычитала его в Интернете, – с улыбкой призналась мама, после чего сделала паузу. – Кстати, дорогой, ты знаешь, что такое мем? Все мамы говорят о том, что их сыновья постоянно делятся друг с другом этими самыми мемами.

Её взгляд стал обеспокоенным.

– Это ведь не какой-нибудь наркотик, правда?

Я растерянно моргнул.

– Ну… это… э-э-э…

После нескольких попыток всё ей объяснить, я наконец-то раскрыл маме великую тайну этого загадочного слова и, попрощавшись с ней, направился к себе в комнату. Но, подойдя к двери, я остановился и замер, не решаясь зайти внутрь.

Прежде чем лечь спать, я должен сперва кое-что сделать.

Посмотрев в сторону комнаты сестры, я заметил лучик света у неё под дверью.

А значит, Оливия ещё не спит.

Несколько раз вдохнув и выдохнув, я подошёл к её комнате и постучался.

Мне никто не ответил, и я принял это за разрешение войти внутрь, после чего медленно открыл дверь и увидел Оливию, которая в данный момент рисовала, сидя в своём кресле перед мольбертом и накрывшись одеялом. Её незаконченная работа выглядела какой-то бесцветной и унылой по сравнению с другими её яркими рисунками… что указывало на то, что она чувствовала в данный момент.

– Оливия, – тихо сказал я.

Барионикс не обратила на меня внимания, продолжая рисовать, обмакивая в краске кисть.

Сделав небольшую паузу, я произнёс:

– Неважно, какое решение ты примешь завтра. Я всё равно буду рядом с тобой.

Она перестала рисовать, и на мгновение я увидел, как дрогнули края её мордочки, прежде чем замереть. Она опустила кисть и посмотрела на меня.

– Спасибо, Анон.

Я кивнул и, выйдя в коридор, медленно закрыл дверь, пока она продолжала рисовать, обмакивая кисть в более яркие цвета и стараясь нарисовать мир, который в данный момент могла видеть только она.